

Горный Щит (Свердловского округа) раньше крепостью был. С тем и устроился, чтобы «обережь была заводскому делу, особливо медному».

Тяжело приходилось этой маленькой крепостце, затерянной в глухих лесах. Не один раз ее выжигали до тла башкиры, в то время боровшиеся с русскими.

Теперь это давным-давно забыто, и даже не каждый старожил сумеет узнать, где находился крепостной вал. Но кой-какой остаток старины все-таки имеется.

Это боязнь набатного звона. Ведь раньше с ним, с этим звоном, связывалось наступление башкир. Как только услышат, сейчас же все бегут к месту сбора. Не столько пожар страшен, сколько это нападение. В кучу все! Может, удастся отстоять.

Эта старинная привычка осталась и доньне.

Недавно проверка была. Правда, эта проверка сильно удивила местное крестьянство. До того удивила, что целых три письма сразу получено об этой проверке.

Дело было 21 августа. После недавнего праздника преобразования (по старому стилю) у многих трещали головы, а у тех, кто имел возможность, продолжалась еще поправка голов.

Поправляли усердно и допоправлялись.

– А что ежели нам проверку сделать? Как, то-есть народ собираться станет?

– Это можно. Случай подходящий какой бы надо. Митинг можно сделать. По-советски.

– Братцы! Ежели скажем, помянуть расстрелянных рабочих на Лене? все их забыли, а мы вот помним, А? – кричал председатель кооперации Бабин.

Секретарь комсомольской ячейки Чернавский поддержал.

И пошло дело. Сейчас же направились к церкви. Один залез на колокольню, другой забрался на трибуну с пионерским барабаном. И пошла работа.

Сейчас же захлопали ворота в деревне. Выбежали бабы, мужики. Многие на лошадях, и со всех сторон бросились на площадь.

Взглянули по сторонам, где горит, но дыма нигде не видно.

Начальник дружины Богатырев, пригнавший на лошади, пробовал узнать в чем дело, но толком <неразб., предположительно – догадаться> не мог. Чернавский звонил <неразб., предположительно – без продыху>, в предкооперации хлестал барабаном по тумбочке на трибуне. Остальная пьяная шатя, окружавшая трибуну, плохо владела языками и ничего объяснить не могла.

Богатырев полез на колокольню, но ничего сделать не мог. Потом там начальство, а председателя сельсовета и милиционера как раз на эту пору дома не оказалось.

Пытался отобрать барабан у предкооператива, но тоже толку не добился.

Собравшиеся крестьяне так и не узнали, в чем дело, чего хотели добиться пьяные устроители собрания.

Кончилось благополучно. Собрали все село, показали свои пьяные хари, тем дело и кончилось.

Теперь в редакцию идут запросы по двум линиям.

Одни спрашивают, можно ли допускать, чтобы в пьяном виде бить в церковные колокола.

Другие тоже спрашивают: допустимо ли пьяному человеку пользоваться пионерским барабаном и вызывать народ на годовщину расстрела рабочих, когда язык не ворочается.